

МОЙ
ПЕРВЫЙ РОМАН

АННА МОНАХОВА

Что будет,
Если я
проснусь

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М77

Рисунок на обложке
Д. Лапшиной

Монахова, Анна Олеговна.

М77 Что будет, если я проснусь : [повесть] / А. Монахова, худож. Д. Лапшина. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 157, [3] с. — (Мой первый роман).

ISBN 978-5-17-165966-0.

Анна Монахова — современная детская писательница и поэтесса. Книга «Что будет, если я проснусь» рассказывает историю обычного парня Феде и его возлюбленной Тани. Девочка страдает синдромом Аспергера. Ей сложно общаться, она не понимает чувства других людей. Феде очень нравится его необычная одноклассница, он продолжает с ней общаться, несмотря на недоумение друзей и насмешки одноклассников. Сможет ли Таня распознать любовь?

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Монахова А. О., 2024
© Лапшина Д. Ю., рис. на обл., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ЧАСТЬ 1

ИСТОРИЯ ФЕДИ

ГЛАВА 1

Мобильник зазвонил под самым ухом, и я проснулся. Нащупал телефон рукой и выключил его. В течение следующей минуты я полз в ванну, пытаюсь открыть глаза. В ванной на полу сидел наш бульдог Ванфин, который обиженно заглянул мне в глаза. Опять дядя Витя запер его здесь на всю ночь. Я погладил собаку и начал чистить зубы. В ванную заглянула мама. И вместо «доброе утра» я услышал знакомое:

— Сынок, выгулай собаку.

Я, еле сдерживая раздражение и пену от зубной пасты во рту, невнятно произнёс:

— Ты забыла, какой сегодня день?

— О!

Похоже, что забыла. И самое смешное, что до сих пор не может вспомнить.

— С Первым сентября тебя! — поздравил я маму, выплюнув наконец пасту изо рта.

— О! А...

Ещё одно междометие, и я взорвусь.

— А я думала, оно завтра. Первое сентября, — пробормотала мама, растерянно косясь на календарь, приколотый булавками к обоям на стене в коридоре. На фото в календаре стояли прижавшись друг к другу два весёлых котенка. Ничто в их мордочках не говорило о том, что грядет апокалипсис или иная катастрофа, типа нашего скромного школьного праздника.

— Ну ладно, иди завтракать, — уныло подытожила мама и исчезла из дверного проёма.

Я вернулся в свою комнату, чтобы надеть футболку и спортивные, и только сейчас заметил, что от моего букета из хризантем и ещё каких-то метёлочек и веток остались одни огрызки.

«Ванфин. Ещё вчера успел, поздно вечером. Прибью скотину!» — подумал я. Но я знал, что умная животина уже наверняка где-нибудь надёжно запряталась и продумывает пути к дальнейшему отступлению.

Искать и воспитывать бульдога было уже некогда.

Вообще-то я свою собаку люблю. Хотя изначально это была папина собака. Он о ней мечтал долгими ночами и не мог спать, разглядывая книги по собаководству. В результате выгуливаю Ванфина я. Да и кормлю я. Потому как остальные забывают. Хорошо, хоть едим из разных тарелок. Но иногда бульдог ведёт себя просто по-свински.

Придётся клянчить деньги на другой букет у папы. У мамы денег никогда нет. Экономит она. Ну да, экономит. Сам видел, как она летала по супермаркету с вытаращенными глазами, скупая всё на своем пути, включая совершенно ей ненужные креветки в панцире, картошку «фри» в сильно замороженном состоянии и помидоры «черри». Из всего этого приготовить она могла бы только «черри» в такой последовательности: вымыв их под проточной водой и выложив на тарелку.

Мама никогда не парится по поводу неумения готовить. Жизнь приучила её к тому, что во всём надо находить хорошие стороны. Вот она и находит. Так как папа готовить не умеет, а нанять кухарку

она не может, мама научилась готовить полуфабрикаты. В результате или нас кормит бабушка, или мы обречены есть пюре быстрого приготовления с обилием витаминов и микроэлементов и пить сок, гомогенизированный, 100% натуральный. Натуральные в таких продуктах только ароматизаторы и красители, уж их-то подделать ещё сильнее просто невозможно.

Я свернул по коридору направо. На кухне за столом уже сидели родители и дядя Витя, доедавший вторую порцию омлета с ветчиной. Выглядел дядя Витя примерно как борец сумо. Только глаза русско-овальной формы. И одет в треники. Но, в отличие от меня, он в этих трениках ходит всю жизнь. За все годы, что я знаю дядю Витю, штаны попримичней он надел лишь однажды, когда ходил в ЗАГС разводиться со своей женой. Кстати, с этого момента он проводит в нашем доме большую часть своего свободного времени.

Мама молча положила мне омлет на тарелку, видимо, всё ещё потрясённая тем, что теперь ей придётся выводить на прогулку Ванфина по утрам. Отец ел, полностью скрывшись за своей газетой. Я быстро впихивал в себя довольно сносно приго-

товленный омлет. По-настоящему вкусно у нас готовит бабушка, но она встаёт немного позже, чтобы не мешать остальным толкаться на тесной кухне. Через полчаса она перекрестит свои кастрюли и сковородки, отправит маму с Ванфином на прогулку, а отца и дядю Витю на работу и начнёт готовить.

Мать ни с того ни с сего вдруг вспомнила обо мне и поздравила с началом нового учебного года, а потом вдруг спросила:

— Ты ещё не решил, кем ты хочешь стать?

— Буду, как дядя Витя, — ляпнул я. Пусть думают, что мне вообще на всё пофиг.

Папа выглянул из-за газеты, а дядя Витя радостно раздвинул в улыбке толстые щёки:

— Тоже будешь охранником в супермаркете, да?

— Витя, мы ведь уже решили, что Фёдор будет поступать в институт. Но он до сих пор не определился с профессией, — озабоченно сказала мама, глядя на меня будто на диковинную зверушку, смысл существования которой науке пока что не известен.

Я быстро допил чай из любимой белой кружки с полустёртым рисунком зёрен

кофе и признанием любви к этому напитку на английском языке. Рванул одеваться, не дослушав, на какой факультет я иду поступать в следующем году.

Бабушка вечером погладила мне рубашку и костюм, так что я не метался в поисках по комнате, как обычно. Рубашка была новая, белая, костюм чёрный, парадно-выходной, тоже почти новый. Даже туфли бабушка заботливо почистила. Я выбежал из квартиры, торопливо хлопнув дверью. Рюкзак довольно ощутимо бил по спине.

Я знал, что бабушка стоит за занавеской и крестит меня. Не удержался, повернулся и помахал ей. Бабушка весело кивнула и махнула рукой в ответ. Быстро сбежав вниз по ступенькам, я оказался на улице. Там царил толчея. Полусонный народ стремился к знаниям и прибыли, обречённо глядя на пасмурное осеннее небо. Почти у самого нашего дома стояли лотки, где уже с раннего утра бабки увлечённо трясли букетами в шелестящем целлофане. Цветочный бизнес явно процветал. Я наскрёб в кармане двести рублей и купил у одной старушки букет хризантем. Хотя кому вообще нужны эти веники, которые

ЧТО БУДЕТ, ЕСЛИ Я ПРОСНУСЬ

сохнут на второй день и летят на помойку вместе с коробками из-под шоколадных конфет?

Ну, к началу я всё-таки успел. Всё было как обычно. Первоклассница с огромным белым бантом зазвонила в колокольчик, я подал букет классной, Светлане Ивановне. Та то ли от обилия цветов, то ли от того, что вновь начиналось её царствование, молодела на глазах. Сегодня она была на удивление тихой и спокойной. Но расслабляться пока рано. Целый учебный год впереди. Слава Богу, последний учебный год. Я вместе с остальными прошёл в класс, украшенный шариками и яркими рисунками, сделанными усердными младшеклассниками, сел за свою любимую парту у окна и вдруг обнаружил, что я за ней теперь не один. В прошлом году мы с Риткой поссорились, и она пересела за парту к своей подружке. Я не особо парился по этому поводу. Рита, конечно, красавица, но, кроме правильных черт лица, у неё больше ничего нет. Абсолютно пустое место, которое очень много о себе мнит.

И вот теперь рядом со мной тихо сидела незнакомая девчонка. Она сидела молча и неподвижно и непрерывно свивала

пальцами руки кольца из своих длинных светлых волос. Я видел только её профиль со слегка вздёрнутым носиком, беспокойные руки с удлинёнными пальцами. Они словно жили собственной жизнью, перебирая страницы учебника, проводя по надписям, оставленными прежними учениками на парте.

— Итак, ребята, поздравляю вас с началом нового учебного года! Радостно видеть вас полными сил и энергии. Это ваш последний год в школе. После него вы войдёте в новую, взрослую жизнь... — торжественно вещала Светлана Ивановна зычным голосом генерала на параде.

Но сегодня я почему-то еле её слышал. Я думал лишь о пальцах, свивающих светлые пряди в кольца. И о том, как хорошо, что я за партой не один.

— У нас в классе появились двое новеньких, давайте познакомимся с ними. Встань, Боря, — кивнула Светлана Ивановна парню, сидевшему рядом с Лёшкой Ивановым.

Боря начал вставать, и процесс этот затянулся надолго. Боря явно был выше всех в классе. И чуть ниже липы, растущей за окном.

— Познакомьтесь, ребята, это Борис Мушинский. Боря переехал вместе с семьёй из Мурманска в наш город и теперь будет ходить в нашу школу. Он отлично учится и занимается боксом. Надеемся, Боря, что ты будешь гордостью нашей школы.

Боря кивнул, и по этому кивку я понял, кто в недалёком будущем будет лидером в классе. Как он с такой смазливой физиономией боксом-то заняться решил?

— Ещё у нас появилась новая ученица. Таня, встань, — моя соседка поднялась, по-прежнему глядя в окно. Светлана Ивановна продолжала, теребя в руках указку: — Таня Лагутина. Тане, возможно, придётся трудновато поначалу. Но, я думаю, она привыкнет. Поэтому попрошу вас проявить понимание. Таня, можешь садиться. Начинаем урок русского языка.

А Таня, вместо того чтобы сесть на своё место, заскользила по классу, разглядывая стены, светильники, окна. Таня ходила так до тех пор, пока Светлана Ивановна на удивление терпеливо не взяла её за руку и не усадила за парту. Отшатнулся ли я? Нет. Мне самому часто говорили, что я «белая ворона». Но тут было что-то другое. Класс покатывался

со смеху. Так в нашем классе появилась Таня.

Думали ли вы о смысле жизни? Наверное, каждый когда-нибудь размышлял. А Таня, как мне кажется, о таких вещах не думала. Она просто знала что-то, чего я никогда не узнаю. Но в нашей школе эти знания ей ничем помочь не могли. У меня самого в классе друзей немного, но я чувствовал, что у Тани их вообще не будет. Я сам не со всеми общаюсь. Иванов, например, кошку пнёт и глядит, далеко ли она пролетит. И мне почему-то показалось, что новенький Борис не зря сел рядом с Лёшкой Ивановым.

Что ещё было в этот день, я помню смутно. Я смотрел в окно или на учителей, но думал о её тонких пальцах, о глазах, цвет которых я так и не сумел разглядеть, потому что Таня редко смотрела на кого-то в упор. Думал о том, почему она тоже смотрит в окно, как и я. Писала она странно, я видел. Почерк у неё, конечно, был, далеко не каллиграфический. Но писала она быстро и явно всё схватывала. После уроков Таню увела домой мама. Увела под ручку. Я слышал смех и перешёптывания девчонок. Как малень-

кие фонтанчики в воздух взлетали брызги хохота и ядовитых смешков.

Словно и не было Первого сентября. Не было праздника. Был день. И мы с ней в отражении окна.

Вернувшись домой, я засел за комп. Я искал хоть что-нибудь. Как это называется, когда человек ходит по классу, когда все другие сидят, и смотрит внутрь, а не наружу. Или вообще сквозь тебя. Как такое вообще возможно? Она за весь день ни с кем не заговорила. И со мной тоже. Яндекс выдавал инфу. Что-то мне показалось полным бредом, кое-что подводило к истине. Промелькнуло слово «аутизм». Оно мне было знакомо. Я слышал уже о таких людях. Только обычно их представляют или как гениев, или как людей, полностью погружённых в себя, которые сидят и раскладывают игрушки в рядок. А Таня такой не была. Я стал читать.

Через несколько часов мама постучалась в мою дверь. Я долго, кстати, добивался, чтобы в мою дверь стучали. А я всё ещё читал. Пришлось прерваться на ужин. Бабушка ушла в гости к своей закадычной подружке, и поэтому ужин состоял из покупных отварных пельменей. Их мама

